

ДЖЕН УИЛЬЯМС

ДЛЯ
18+
ТИТАНОВ

Дилогия Когтя

Джен Уильямс

Дитя титанов

«Азбука»

2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уильямс Д.

Дитя титанов / Д. Уильямс — «Азбука», 2024 — (Дилогия
Когтя)

ISBN 978-5-389-33253-9

Сложно представить сестер более разных, чем Инис и Левен. Еще два года назад они даже не подозревали о существовании друг друга. Инис искала грифоницу, с которой вместе выросла. Левен, лишенная воспоминаний, искала собственное прошлое. Теперь сестры воссоединились, но найти общий язык им все еще трудно. Ведь для одной, бескрылой, крылья означают настоящую жизнь. Для другой, крылатой, – медленную смерть. Виной всему их мать, алхимик Гинид Тайли, бросившая Инис младенцем в землях грифонов и сделавшая Левен подопытной для безжалостного эксперимента. Но как бы ни была отвратительна Тайли, кажется, только она может исполнить самое сокровенное желание Инис... История сестер – лишь одна нить в ткани мира, сотрясаемого войной с титанами. Принцесса в бегах руководит армией повстанцев. Молодой лесной маг слышит странный голос, призывающий древнего хозяина леса. А посланник империи строит планы побега вместе с двумя титанами. Все они разные. Все оказались на волосок от гибели. И все нужны, чтобы остановить королеву титанов, чье дитя способно свергнуть с неба даже грифонов.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33253-9

© Уильямс Д., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Часть первая. Призыв великой силы	8
Пролог	8
1	10
2	14
3	19
4	24
5	30
6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джен Уильямс

ДИТЯ ТИТАНОВ

Миссис Монгон, мистеру Милингу и мистеру Брэннигану посвящается – спасибо, что открыли для меня эту дверь

Jen Williams
TITANCHILD

Copyright © 2024 by Jen Williams
All rights reserved

© Н. Маслова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

© Shutterstock / FOTODOM / setiajipamungkas / Perfect_kebab / ONYXprj / Nata_Alhontess

Часть первая. Призыв великой силы

Пролог

2000 лет назад

– Бог-вепрь проломил ворота.

Ариэль отвернулся от окна, чтобы посмотреть, слышит ли его Икарайн, но она суетилась над ребенком: взяв на руки, щекотала, стараясь рассмешить. Ариэль занервничал. Бой в самом разгаре, а он уже не знает, смогут ли они победить.

– Икарайн...

– Я слышала тебя.

Она подошла к окну. На сгибе ее мощной руки сидел малыш Малаким. Ариэль посмотрел на него, но тут же отвел взгляд.

– Значит, они здесь, – наконец сказала Икарайн. – Что ж, тем проще для нас. Нашим солдатам никуда не придется ходить, они будут убивать врагов прямо у себя на пороге.

– Хм.

Они находились в самом высоком здании Черного города, во дворце старой королевы. Их окно смотрело на западные ворота – раньше смотрело, пока бог-вепрь не сровнял их с землей. Другие окна этого зала, когда-то служившего старой королеве столовой, были обращены на четыре стороны света, и из них открывался вид на весь Черный город; Икарайн превратила прежде роскошное помещение в детскую, зал для военных советов и свою спальню. Теперь здесь повсюду валялись мощные титановые цепи, каждое звено толщиной как запястье Ариэля. Все, что напоминало о старой королеве, вынесли отсюда еще несколько лет назад, когда Икарайн собственноручно вышвырнула ее из дома. Королевы рождались примерно раз в пятьсот лет; они были крупнее и прожорливее обычных младенцев. Вот почему, если новая королева появлялась на свет, когда еще правила прежняя, всем становилось туго.

– Надо увести из дворца тебя и ребенка, – сказал Ариэль.

Сражение шло еще далеко, но рев богов-вепрей и рычание медведей уже слышались и здесь. Солдаты-отанимы носились над городом, защищая его от грифонов и жар-птиц, – те и другие были смертельно опасны.

– Вас надо спрятать в Подземелье, а лучше вообще вывести из города.

Икарайн расправила крылья и хищно улыбнулась:

– Ты что, боишься за меня, Ариэль?

Ариэль нахмурился. Он понимал, что это звучит нелепо, ведь Икарайн была на целых два фута выше его, а сильнее настолько, что легко могла поднять его одной рукой.

– Или ты боишься за своего друга, который сейчас там, на передовой?

– Феллдир силен и быстр, – твердо ответил Ариэль, пытаясь заставить самого себя поверить в эти слова. – Верь моему слову, никто из младших титанов не причинит ему вреда. Я беспокоюсь о тебе, жрица. Нашему народу нужен вождь.

Титул жрицы дала Икарайн старая королева в надежде умерить ее аппетит. Не помогло.

Ариэль уже начинал думать, что она так и останется ненасытной. В дни войны, когда власть Икарайн стала почти безграничной, она настаивала, чтобы ее по-прежнему называли жрицей, но шутки ради – мрачной, надо сказать, шутки.

– Ты слишком много беспокоишься, Ариэль.

Икарайн снова обратила все свое внимание на ребенка. Малыш был завернут в белую шаль, расшитую алыми нитями, так что из нее торчали только его белокурая макушка и пухлая ручка.

– Когда Малаким вырастет, он станет мечом, который разрубит всех младших титанов. Из их костей он выкует цепи, которые станут удерживать людей там, где им место, – ниже нас, всегда намного ниже. Мы кормим Малакима костями наших врагов, и он крепнет с каждым днем. – Она усмехнулась. – Чем больше их умрет, тем могущественнее станем мы, Ариэль.

Словно ободренный похвалой матери, Малаким протянул к ней свой крошечный кулачок. В дальнем конце комнаты вздрогнула и скользнула к ним цепь из титановой руды. Скользнула немного, всего на пару дюймов, но все же заметно. У Ариэля скрутило живот – он не знал, от чего именно, но, кажется, от страха.

– Вот! Ты видел? – Икарайн чмокнула малыша в макушку, стараясь не смотреть в его многочисленные алые глазки. – Мы вытащим все кости из их тел!

1

Ровно два года назад королева Сени впервые увидела отанимов у берегов Веххи; с тех пор мы живем, забившись в угол. Зачем нам друины, раз они не могут защитить наши границы? Бретления стала полем битвы.

Из письма Эфена, заверенного печатью короля Мерсии

– Господин, мы больше не можем сдерживать их! Придется отступить!

Друиданнон бросил взгляд на заросли у своих лап. Лицо старейшины Кирки было в крови, кожа вокруг глаз позеленела от лесной ярости. Дикий лес кишел друинами-воинами, бурлил их магией и магией самого леса, которой они повелевали; корни росли и вырывались из земли, ползучие растения стремительно взмывали в небо. Но всего этого было недостаточно против старых врагов. Отанимы оказывались в пределах досягаемости их магии лишь тогда, когда убивали сами.

– Если мы не нажмем сейчас, то скоро нас сбросят в море! – проревел в ответ Друиданнон.

Медвежий двор они давно потеряли, и враги теснили их все дальше на восток, так что они уже разбивали лагерь в лесах Веххи. В любое другое время друины-следопыты и друины-воины, сражавшиеся бок о бок с остатками человеческих армий Лондуса и Галаброка, под предводительством последнего медведя-титана двадцати футов ростом и с когтями длиной в полруки человека, представляли собой силу, с которой нельзя не считаться. Но нынешний враг был слишком могуч даже для них.

Друиданнон посмотрел на небо. За затянувшими его тучами прятались отанимы, готовясь нанести новый удар. Казалось, что даже погода встала на сторону захватчиков. «Будь мои братья и сестры живы теперь...» – подумал он. Но их давно не было: все титаны-медведи погибли еще в первой войне с отанимами, а ему, последнему отпрыску некогда обширного медвежьего рода, видно, суждено сложить голову здесь и сейчас.

Кто-то стремительный прорвал облака и нанес удар. Друинка-следопыт, кувыркаясь, взлетела в небо. Друиданнон потянулся к ней мыслью, но опоздал; в воздухе резко и безошибочно запахло кровью, а потом отанимы обрушились на их потрепанный отряд, как саранча.

– Назад!

Это кричал Эден, друин, которого медведь смутно помнил, – не особенно талантливый, зато надежный. Теперь он отказался от своего магического искусства, взял у одного убитого воина копье и отчаянно отбивался им от мелькающих вокруг крылатых фигур, защищая себя и раненого товарища.

Отанимы пугали своей безликостью – на каждом был замысловатый серебряный шлем с забралом, скрывавшим лицо.

Друиданнон взмахнул огромной лапой и сшиб сразу двоих. Те рухнули в подлесок, переломав пернатые крылья, но их место тут же заняли еще трое. Медведь щелкнул челюстями и отхватил руку одному из них одним точным укусом. Горячая кровь титана хлынула в горло, и ему показалось, что он снова вдыхает горячий воздух джунглей Хураки, а пыль Черного города щиплет ему глаза. Старейшина Кирка запустила вверх две лозы – извиваясь, они взметнулись, обвились вокруг пояса и ног другого отанима и прижали его к земле, где Эден добил его копьем в живот. Бесполезно – отанимы продолжали наседать.

– Это безнадежно! – воскликнул Эден; его руки дрожали от усталости.

– Нет, друзья мои, – ответил Друиданнон. – Надежда еще есть.

Он повел их назад, на восток, а отанимы преследовали их, как мошка на болоте, так же назойливо и внешне бессмысленно.

Вехха была по преимуществу плоской страной; – за Диким лесом лежали сплошные болота, но среди них выделялась одна возвышенность – к ней-то и вел свое измученное воинство медведь, открывая Тропы так же легко, как дышал. И на каждой новой Тропе их опять находили отанимы, и опять приходилось сражаться на пределе сил. «Вот чего не знают те, кому повезло родиться в мирное время, – подумал Друиданнон. – Как скоро война становится просто нудной работой. Как быстро привыкаешь к виду крови и разбросанных повсюду вонючих кишок, и все, что имеет значение, – это сделать следующий вдох. Дышишь – значит живешь».

Когда они добрались до возвышенности, Друиданнон с радостью увидел, что знак Хикатрифта на месте – часть дерна была снята до меловой породы, и на зеленом боку холма белел огромный конь о восьми ногах.

– Друг мой, – пробормотал он, кладя огромную лапу на шершавый мел. Вокруг него и над ним кипела битва. – Я обещал не будить тебя, но мои дети гибнут.

С этими словами он запустил острый коготь в мохнатую шкуру своей второй лапы, вспорол ее и глубоко вонзил коготь в плоть. Сверкнуло что-то серебристо-синее – кость. Титан содрогнулся от отвращения, но делать нечего: хочешь пробудить спящие в земле кости – готовь свои.

От крови трава вокруг почернела, а мел заалел. Кирка, которая трогательно держалась рядом с Друиданноном, словно могла от чего-то защитить титана, с тревогой смотрела на рану.

– Что вы делаете? Повелитель, вам же больно...

– Будь осторожна, Кирка, земля может посыпаться.

– Что вы...

Трава под их ногами зашаталась и запрыгала. Меловой конь пошел трещинами и раскололся, и земля полетела в разные стороны. Друины и солдаты бросились врассыпную. Над ними продолжали деловито сновать отанимы, вырываясь из облачного покрова, но Друиданнон заметил, что некоторые из них застыли в воздухе, с любопытством наблюдая за сценой внизу.

«Где же она? Где та, что зовет себя Светоносной?»

О жрице отанимов не было никаких вестей – судя по сообщению, которое они получили в Досрайхе перед тем, как им пришлось сдать врагу свой Заветный дуб, Икарайн редко покидала Лондус-на-Море, – но Друиданнон верил, что рано или поздно она явится к нему. Придет, потому что не устоит перед искушением увидеть, как гибнет последний из ее старых врагов.

«Боюсь, она будет разочарована», – с горечью подумал он.

Из холма ползло что-то совсем огромное, даже больше самого Друиданнона. Старый медведь попятился, не обращая внимания на жгучую боль в лапе. Склон холма полностью рассыпался и стал грудой щебня.

– Что это, повелитель? – Эден упал на колени.

Кирка наклонилась, поднимая его.

– Великан, – сказала она, и в голосе старейшины послышался трепет. – Он воскрешает великанов.

– Только одного, – поправил Друиданнон, – иначе не хватит крови, к тому же они спят по всей Бретлени. Но будем надеяться, что одного хватит.

Кто-то огромный встал из холма и сразу закрыл собой полнеба. Черный и грозный на фоне облаков, он походил на человека, поросшего густой шерстью, зеленовато-коричневой от набившихся в нее земли, камней и травы. Длинные серые руки висели вдоль боков, а из-под лохматой шевелюры горели два огромных глаза, красные, как угли в костре, и торчало свиное рыло с желтыми клыками.

Великан явно не был доволен тем, что его разбудили.

– Хикатрифт! – воскликнул Друиданнон.

– ТЫ ПРОБУДИЛ МЕНЯ.

Голос великана, не слыханный на Бретлении давным-давно, был именно таким, каким его запомнил Друиданнон: рокочущим, словно где-то сошел с горы ледник.

– Нам нужна твоя помощь, мой старый волосатый друг! – Медведь прижал кровотокающую лапу к груди; кровь текла так, что грозила утопить людей рядом с ним. – На наш остров вторглись враги.

Хикатрифт поднял лохматую голову. Он был так высок, что отанимы, парящие в небе, летали на одной высоте с ним. Они уже направляли копья и мечи в его сторону.

– ИСТИНА ЛИ?

Великан наклонился к своей недавней могиле и вытащил из нее огромный зазубренный клинок, который расширялся к концу и заканчивался страшным шипом. Меч был покрыт грязью и ржавчиной, но выглядел прочным, а длиной почти равнялся самому Хикатрифту.

– ПОГИБЕЛЬ ИМ.

С неожиданным для такого гиганта проворством Хикатрифт вскинул свой огромный клинок и описал им в воздухе широкую дугу. Казалось, само небо загудело ему в ответ, и с высоты рухнул отаним, разрезанный пополам. Люди закричали, нестройно и радостно. Даже Друиданнон увидел проблеск надежды, когда Хикатрифт приступил к очистке небес от крылатых титанов.

Но радость оказалась недолгой. Многих поверг Хикатрифт на землю, столь многих, что над разрушенным холмом скоро повис кровавый туман, но отанимы действовали быстро и решительно. Когда друины во главе с Друиданноном снова стали сражаться, враги отступили от них и, собравшись в огромный рой, окружили Хикатрифта.

Старый гигант взревел, когда они стали жалить его, словно туча ос. Сотни мечей оставляли кровавые зарубки на его пыльной серой коже, спутанные волосы отяжелели и почернели от крови. Яростно воя, Хикатрифт продолжал размахивать клинком. Друиданнон хотел добраться до него, чтобы помочь старому другу, но великан уже упал на колени, а по склону холма ручьями текла его кровь. Одна отанимка, видя слабость гиганта, приземлилась прямо ему на морду и вонзила свой меч глубоко ему в глаз. Красный огонек сверкнул и погас.

Медленно, словно огромное дерево, срубленное во цвете лет, гигант рухнул на землю, обнажив клыки в безмолвном рыке. Друиданнон почувствовал, что его сердце колотится в груди так, словно вот-вот разлетится на куски.

– Ах, мой старый друг, прости. Я поднял тебя навстречу твоей гибели.

– Все потеряно, – пробормотал Эден, с головы до ног измазанный в крови Хикатрифта. – Это конец.

– Нет, не совсем, – ответил Друиданнон. – Есть еще одно, последнее средство. Дети мои, уходите в Дикий лес, прячьтесь. Соберите все силы, какие у нас еще есть.

– Но, повелитель, – произнося эти слова, Кирка смотрела не на него, а в небо, где уже готовились к новой атаке враги, – вы же не хотите остаться здесь один? Сейчас они нападут снова!

– Мы сражались, и мы проливали кровь. – Друиданнон посмотрел на тела друинов, разбросанные вокруг. Ему было так же больно, как в Хураки, где полегли все его братья и сестры, сраженные клинками отанимов. – А теперь надо отступить, Кирка. Мне тяжело говорить это, но ты должна сделать так, как я прошу. Уходите. Прячьтесь. Дождитесь того, кто придет.

Кирка пристально посмотрела на него:

– Кто придет, повелитель?

Но он не ответил. Кирка повела остатки их отряда в Дикий лес, а те друины, у которых еще оставались силы, прикрывали их отход. Друиданнон полез на разрытый холм, обходя тело Хикатрифта. Наконец он добрался до вершины. Идти оказалось труднее, чем он ожидал; из раненой лапы еще сочилась кровь.

«Или я просто состарился, – подумал он с сожалением. – Наверное, мое время и впрямь пришло».

Он встал на задние лапы и бросил вызов отанимам, которые роились над ним, как мош-кара. От роя отделился один и подлетел к нему, сняв шлем. Это оказалась женщина, бледно-кожая, с волосами цвета полированного серебра. Она широко улыбалась окровавленному медведю.

– Ты решил сдаться, зверь? Икарайн будет довольна, когда я доставлю тебя в цепях в Лондус. Она хотела убить тебя своими руками.

– Кто ты?

– Я Ремиэль, буревестница третьего батальона.

– Ты когда-нибудь задумывалась, зловредный гнус, почему она заставляет вас убивать ради нее? Вы для нее всего лишь инструменты. И так было всегда. – Друиданнон вздохнул и продолжил: – Что случится, когда закончатся все войны, на которые можно тратить деньги?

Отанимка ухмыльнулась еще шире:

– Мы остановимся не раньше, чем вся Энона окажется в нашей власти, а кости лжетитанов будут стерты в порошок. Теперь, когда ребенок проснулся...

Вложив в бросок последние силы, Друиданнон стремительно схватил болтливую отанимку и одним укусом оторвал ей голову, а затем прожевал и проглотил, радуясь, что та любезно сняла шлем. Тело титан бросил на землю. Как он и предполагал, отанимы обрушились на него всем скопом, сверкая клинками и выкрикивая проклятия.

– Да! – взревел он и вскинул передние лапы, чувствуя, как мечи вонзаются в его плоть. «Это укусы насекомых», – сказал он себе. – Вы не возьмете меня живым, негодяи! Вы мерзавцы!

В бок прилетел удар такой силы, что Друиданнон пошатнулся, но все же не упал, хотя и с трудом; он чувствовал, что его кровь возвращается в землю, как совсем недавно кровь Хикатрифта. А еще он чувствовал, как земля отвечает ему, оживляясь, предчувствуя, что должно произойти дальше. У Друиданнона осталось еще много магии, но всего один способ использовать ее.

Всего одна жизнь, которую можно отдать.

Летающий титан крепко схватил Друиданнона за плечо и вонзил длинный клинок ему в горло. Под жуткий треск рвущегося мяса горячий поток живой крови хлынул из него. Радостно завопили отанимы, чьи шлемы потускнели, забрызганные кровью последнего титана-медведя. Друиданнон поднял голову, чтобы увидеть за холмами Дикий лес, такой темный, такой зеленый и такой тихий. И он заговорил, обращаясь как будто к самим деревьям:

– Я призываю тебя, Странствующий по Тропам! Я зову тебя, Отец леса! Дикому лесу нужен защитник, Зеленый человек!

Лапы у него задрожали, и Друиданнон рухнул на четвереньки. Больше он не поднялся.

* * *

Кирка, застыв между деревьями с прижатой к груди рукой, наблюдала за последним боем медведя. Рядом с ней рыдал Эден.

– Он бросил нас, – твердил он. – Бросил, когда мы так нуждаемся в нем!

– Нет, глупый. – Кирка говорила тихо, понимая боль своего товарища-друина. – Он дает нам повод продолжать борьбу.

Прямо на их глазах фигура поверженного медведя вдруг начала распадаться на части, превращаясь в целое облако полевых цветов: лютиков, маргариток, наперстянок, фиалок, клевера... Ветер подхватывал их и уносил в замерший в ожидании лес. Скоро на холме остались лишь кости огромного медведя.

2

«Я призываю тебя, Странствующий по Тропам!»

Киллиан вздрогнул и едва не потерял равновесие на скользкой крыше. Рядом с ним в темноте неподвижно сидела Левен.

– Ты что-то сказала? – прошептал он.

– Что? Нет, – шепнула она в ответ. – Мы же должны сидеть тихо, забыл?

Шел непрерывный дождь, холодный и серый, от которого они промокли до нитки.

Крыша, на которой они сидели, принадлежала одному из зданий императорского дворца в освященном Гойле. Дворец лепился к утесам над морем; сразу за ним скала отвесно обрывалась прямо в бурлящую воду. Киллиан знал, что если он повернется и посмотрит на море, то увидит водоворот Око Титана, сплетающийся из струек и завихрений злой белой пены; ему не требовалось даже прибегать к магическому зрению, чтобы увидеть это чудовище. Но Киллиан не оглядывался, а в крытых черепицей домах и посыпанных гравием аккуратных двориках между ними царил тишина. Охранники прятались от дождя под свесами крыш. Где-то под одной из них спала сейчас Гинид Тайли, та самая, которую они два года искали в разных странах, как освященных, так и нет. И, что еще важнее, где-то в этом лабиринте зданий была Т'руук, молодая грифоница, которую ни он, ни Левен не видели еще ни разу.

– Я уверен, что слышал... чей-то голос.

Киллиан огляделся в поисках Орешка – вдруг галка решила связаться с ним именно сегодня? Но ее нигде не было видно. Наверное, тоже спряталась от дождя.

– Это не Инис, – заметила Левен. – Ей еще рано.

Младшая сестра Левен выросла в горах Эльвинии и лазала по скалам как никто другой, поэтому ее решили пустить вперед, на разведку. Перед ней стояла задача – пройти по всем крышам, чтобы понять, где содержат Т'руук, ее сестру-грифона. А Левен, как опытный боец, ждала сигнала Инис – тревожного птичьего крика.

– Конечно нет, – покачал головой Киллиан. – Мне кажется, я узнал этот голос. Но он звучал совсем тихо.

– Ничего не слышу под этим долбаным дождем.

Киллиан тряхнул головой, и с его рогов полетели капли.

– Может, это было...

«Я зову тебя, Отец леса!»

Киллиан резко выдохнул и едва не вскочил. Теперь голос в голове грянул не хуже раската грома, на миг заглушив все мысли. А еще он был *зеленым* и потому знакомым; Киллиан почувствовал, как что-то внутри него словно сдвинулось, привычно реагируя на зов.

Левен схватила его за руку.

– Киллиан, ты в порядке?

В полумраке он едва мог разглядеть ее серые глаза, в которых плескалась тревога.

– Так... проявляется траун?

– Нет. Я не знаю, что это. – Он взял ее руку и поцеловал, ощутив минеральный привкус дождя и аромат ее кожи, который не надоеет ему никогда. – Не обращай внимания, любимая. У нас есть дело поважнее.

– Надо постараться закончить его побыстрее, – неуверенно кивнула она. – Неизвестно, в каком состоянии будет Т'руук, когда мы доберемся до нее, но нам все равно надо увести ее отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Левен еще раз прокрутила в голове план. За последние дни они обсуждали его столько раз, что разобрали прямо по шагам, но она все равно волновалась. Два года они искали малейшую зацепку, гонялись за слухами – и вот наконец они здесь. Это их единственный шанс. Если

оплошают, другого не будет. Левен считала, что если они обнаружат себя слишком рано, то, скорее всего, Гинид просто убьет Т'руук – назло им или чтобы замести следы. Просто чудо, что грифон все еще в ее руках и жив.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросила она.

Киллиан замер, на мгновение выбросив таинственный голос из головы. Его связь со здешней землей была куда слабее, чем с Диким лесом Бретлени, но с тех пор, как он стал трауном, его способности усилились и проявились непредсказуемо. Сейчас он чувствовал присутствие людей вокруг – их сложный разум так и остался закрытым для него – и собак, которых держали в вольерах у входа. Были здесь и птицы – Киллиан ощущал их как крошечные очажки жизни, спрятанные в разных темных и уютных местах, представляющих собой гнезда. За спиной простиралось необъятное и непознаваемое море – мир, в котором плавали существа, казавшиеся бессмысленными сухопутному лесному разуму Киллиана. Совсем рядом над волнами парил морской орел – голод уводил его все дальше от суши.

– Ничего важного. Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась ему в темноте:

– Помимо обычных болей? Отлично. Я вот-вот смогу подвесить Гинид Тайли за ноги и задать ей пару острых вопросов о том, что она сделала с моим отцом. И заставила меня сделать с Инис.

– Главное, о том, что она сделала с тобой, – добавил Киллиан.

– Да, ее ждут острые вопросы и острый меч, – кивнула Левен. – Эта дрянь пожалеет, что связалась...

Когда неведомый голос прозвучал в третий раз, Киллиану показалось, будто на него свалилось что-то огромное. Ему привиделась пестрая листва, пронизанная утренним солнцем, и послышался шум – отчаяние, магия, смерть.

«Дикому лесу нужен защитник, Зеленый человек!»

Киллиан ощутил кого-то в темноте совсем рядом – кого-то огромного, чужого, опасного. Он опомнился, когда уже вскочил, беззвучно крича. Он услышал, как Левен зовет его, а потом упал с крыши.

– Проклятье!

Ночь озарилась голубым светом магии герольда Илевен. Она расправила крылья и прыгнула за ним, схватив сзади за куртку раньше, чем он успел коснуться земли. Теперь оба висели в воздухе, яркие, как звезда в черном небе, и их видели все охранники.

Теплые человеческие существа, чье присутствие Киллиан различал в ночи совсем недавно, уже бежали к ним: капли дождя взблескивали на их мечах, копьях и кривых ножах, отражая свет фонарей.

– Звездные задницы, – прошипела Левен. – Говорила я вам, тихо сидеть в засаде – это не мое!

* * *

Инис висела, цепляясь пальцами за глиняный выступ под подоконником, а ногами упираясь в гладкую каменную кладку. Крошечные неровности глины помогали держаться, зато стена была слишком гладкой, но в целом по сравнению с вершинами Эльвинии это было не восхождение, а легкая прогулка в солнечный весенний денек. Подтянувшись на руках, Инис заглянула в окно и увидела кладовую, битком набитую ящиками и коробками. Бесшумно елозя мягкими кожаными ботинками по стене, она перебралась к следующему окну. Ей не сразу удалось привыкнуть к этим человеческим гнездовьям – домам, как упорно величала их ее сестра-человек. У них были слишком узкие входы и выходы, загороженные дверями или большими полосами стекла, зато внутри находилось много всякой интересной всячины. Дома, на Косто-

паде, их с Труук гнездо было почти голым, а те предметы, которые в нем находились, принадлежали только Инис – ее кожаная сумка, инструменты, одеяла, сшитые ею из шкур убитых животных и украденных грифоньих перьев, коготь-нож.

Труук же нацарапала на каменных стенах с вкраплениями льда кое-какие фигуры в качестве украшений, и на этом ее вклад в обустройство гнезда закончился. Да, грифон – это тебе не человек... Инис опять подтянулась на подоконнике и заглянула в соседнюю комнату.

Там тоже оказалось пусто, не считая всякого барахла.

Заинтересованная, Инис поднялась еще выше, чтобы рассмотреть все как следует. Вдоль стен, почти до самого потолка, громоздились полки, одна над другой. Между стенами стояли странные предметы, которые люди называли мебелью: огромный мягкий диван, когда-то, видимо, зеленый, а теперь весь в пятнах непонятого происхождения; кожаное кресло в углу; широкий деревянный стол; конторка с большой масляной лампой; огромный шар с картой на ножке. Но и это было еще не все, на каждой горизонтальной поверхности комнаты располагались предметы помельче: листы бумаги, пергаментные свитки, чернильницы, бутылки с разноцветными жидкостями, неглубокие глиняные чаши, наполненные серой золой, книги, ножи – их Инис рассмотрела особенно внимательно, – какие-то грязные кувшины. Часть стены, свободную от полок, занимали еще карты и непонятные Инис предметы, висевшие на гвоздях. Это были замысловатый серебряный шлем, слишком большой для человека и слишком маленький для грифона, и глянцевый фиолетовый панцирь огромного жука.

Дождь усилился, чего Инис почти не заметила.

– Что они со всем этим делают? – буркнула Инис себе под нос. – Сначала полжизни собирают всякое барахло, а потом сидят и любуются им. Ну прямо сороки.

Вдруг в дальнем конце комнаты отворилась дверь. Инис немедленно нырнула в тень. В комнату, шаркая ногами, медленно вошла старуха. Казалось, каждый шаг причиняет ей боль. Когда она подошла к зажженной масляной лампе, Инис почувствовала смутный трепет узнавания: она не помнила эту женщину сама, но видела ее в воспоминаниях Левен. Это была Гинид Тайли, алхимик, та, кого они искали уже два года.

«Моя человеческая мать», – подумала Инис.

В детских воспоминаниях Левен Тайли была еще молодой женщиной, хрупкой, с острой лисьей мордочкой и пышными рыжевато-каштановыми волосами. Теперь Инис видела сторбленную жилистую старуху с тускло-серым пучком на затылке и седыми волосками на подбородке. Под глазами у нее залегли темные круги, при ходьбе она тяжело опиралась на палку. В уголке рта старухи торчала длинная трубка из черного дерева, и, шаркая по комнате, Тайли курила ее, жуя черенок. Трубочный дым выглядел странно – он был не прозрачным, как от дров, а маслянисто-желтым.

Итак, это она.

Инис постаралась подавить волнение. Если Гинид Тайли здесь, значит и Труук где-то рядом. Когда они были в Стратуме, Левен разузнала, что у Тайли есть молодой грифон, захваченный людьми и сохраненный живым по ее особому указанию. Еще она узнала, что Тайли перенесла свою мастерскую из Стратума в какое-то секретное место. И вот наконец они нашли его. Все сомнения, какие у них еще оставались, развеяли сплетни, которые Инис подслушала на кухне: каждый день здесь забивали коз и овец для «любимицы» Тайли, а по ночам раздавался грифоний крик, такой громкий, что мог разбудить и звезды, которых жители империи считали своими предками.

«Я иду к тебе, сестра».

Инис видела, как Тайли подошла к полке и сняла с нее банку с чем-то коричневым и волокнистым. Точным отработанным движением она стукнула чашкой трубки о стол, смахнула небольшую кучку почерневшего курительного материала и заменила его свежим из банки, придавив большим пальцем. Инис впервые услышала об этой гадости в Стратуме – сорняк,

который жгут, чтобы вдыхать его дым. Называется табак. Раскурив трубку, Тайли так глубоко затянулась, что, наверное, заполнила дымом все свое нутро, а потом выпустила его наружу. Взяв со стола книгу, она направилась к выходу, причем Инис заметила, что шла она теперь куда более уверенно, чем раньше, и почти не хромала.

Перебирая руками по карнизу, Инис оказалась под окном соседнего помещения. Это был коридор, тускло освещенный единственной масляной лампой. Ее добыча мелькнула в нем и скрылась за другой дверью. Но тут глиняный выступ кончился, и у Инис оборвалось сердце. «А что, если я потеряю ее здесь, так близко к цели?» – подумала она. Но, на ее счастье, рядом оказалась водосточная труба, и Инис полезла по ней наверх, туда, где начинались более длинные и узкие окна. Добравшись до первого, она заглянула в него и замерла. Сердце бешено заколотилось в груди.

Помещение с узкими окнами оказалось куда больше тех, что Инис видела до сих пор, с высоким потолком и почти совсем пустое. На полу стояли деревянные ведра, валялись какие-то предметы, темные от крови, а с потолочных балок свисали толстые цепи. Посреди комнаты находилась большая клетка из серебристо-голубого металла, чей цвет показался Инис смутно знакомым, а в клетке стояла ее сестра с гордо поднятой головой, возмущенно топорща перья на груди и шее. Инис сразу узнала ее повадку. Т'руук почти не изменилась за два с лишним года – те же глаза цвета золотых осенних листьев, те же пестрые, коричнево-черно-белые перья и мех, те же смертоносные синие когти, – и все же она стала другой. Т'руук выросла, раздалась вширь, и темный хохолок из перьев, прежде небольшой, удлинился. У Инис даже горло перехватило от едва понятных ей чувств. «Сестра повзрослела, – подумала она, – а я этого не видела».

Одно окно комнаты оказалось приоткрыто и подперто книгой. Инис пододвинулась так, чтобы не только видеть сестру, но и слышать ее голос.

– Когда я выберусь отсюда, человек, я первым делом съем твою печень.

В поле зрения Инис вступила Гинид Тайли, попыхивая трубкой.

– Для этого есть какая-то особая причина? – спросила она. – Грифоны что, набираются сил, поедая человеческую печень?

– Нет, просто мне будет приятно выпустить тебе кишки, пока ты еще жива.

Тайли не то хохотнула, не то кашлянула и поморщилась:

– Тебе еще не надоело придумывать новые способы моего умерщвления?

– Это что, такая человеческая шутка, ты, нелетучий паразит?

Свесившись с подоконника, Инис улыбнулась. Кое в чем сестра осталась прежней.

– Два года, – вздохнула Тайли. – Я думала, что за такое время устанет даже грифон. Но, похоже, люди не преувеличивают, когда говорят «упрямый, словно грифон».

Она подошла к трехногому табурету, стоявшему недалеко от клетки, и опустила на него. Садясь, она вдруг схватилась за живот, словно от боли, но потом беспокойство как будто прошло, и она опустила руки.

– Расскажи мне, что ты знаешь о других титанах.

– Я ничего тебе не скажу. – Т'руук насмешливо щелкнула клювом. – Ни о титанах, ни о ком-то еще.

– Жаль, – сказала Тайли. – А я-то выписала с Бретлении партию кроликов и коз. Думала доставить тебе удовольствие, напомнить вкус родины. – Она улыбнулась, сверкнув зубами. – И себе тоже. В наши дни добиться чего-нибудь с этого зачуханного острова совсем не просто, а все из-за отанимов. Они ваши старые враги, верно? Я знаю, что вы воевали с ними, напали на Черный город, упрятали их под землю. Кто они такие? Кто их вожак, эта Икарайн?

Т'руук молчала. Инис решила, что сестра не больше ее самой знает о странных новых титанах, напавших на Бретлению, но не хочет выглядеть невежественной в глазах человека.

– Еда, добытая людьми, не годится в пищу грифону, – сказала она наконец. – Мы охотимся. Мы убиваем. Мы едим свежее мясо с горячей кровью. Как я съем тебя, когда выберусь отсюда.

– Как хочешь, – сказала Тайли. – А я поем тушеного кролика.

Инис откинулась назад, на мгновение ослабив напряжение в руках, и тут началось. Где-то сзади заорали люди, но скоро их крики почти потонули в ругательствах, которые могла изрыгать только ее сестра-человек. Свет, сапфировый, как вода, текущая по леднику, отразился от стен.

Значит, Левен призвала магию герольда, и они раскрыты.

– Вот же дерьмо! – шепнула Инис, которая за последние два года выучила немало новых слов, и полезла по стене вниз.

3

К юго-востоку от Стратума есть местность, известная как Разломы.

Сотни лет назад, когда империя была процветающим молодым государством с большими планами, ее император приказал добывать там титановую руду. В кратере, где потом вырос город Стратум, еще не кончились останки титанов, но у империи глаза всегда были завидующими, а руки – загребушими, вот она и гребла ими все подряд. Имперские инженеры построили огромные машины, способные взламывать землю, и Разломы, тогда еще именовавшиеся Белой степью, стали местом для испытания этих дьявольских приспособлений. Останков титанов в Белой степи нашлось совсем немного, зато сама степь была испорчена безвозвратно и стала пустыней. Разломами.

Каэто не знал, кто жил в Белой степи до того, как туда пришла империя, но, скорее всего, люди – по его опыту, люди рано или поздно осваивались везде, кроме разве что дна морского. Разломы напомнили ему город, где он жил когда-то с родителями и который сровняли с землей, чтобы освободить место для дворца Небесной Сини, любимой резиденции императрицы.

Здесь вместо плоской и безликой степи были зазубренные скалы; нагромождения синих и коричневых камней торчали из земли тут и там, а между ними зияли пропасти. Каэто подумал, что сверху это место, должно быть, похоже на замысловатое кружево.

Лошадь Каэто, его любимая черная кобыла с диким взглядом и не менее диким норовом, сейчас вела себя примерно, одолевая здешние перевалы. «Знает, наверное, что если оступится, то полетит в пропасть вместе со мной», – думал он.

– Мы почти на месте, девочка. – Каэто положил руку на ее широкую шею, чувствуя, как перекатываются под кожей мощные мышцы. – И нам не нужно спешить обратно.

Вскоре они оказались у пропасти, которая перерезала им путь. Этот провал был одним из самых больших в Разломах – Каэто знал, что его ширина составляет чуть больше мили. А на его краю стоял давно разрушенный замок.

Вдруг с неба раздался громкий крик, и над ними мелькнула тень, слишком большая для птицы. Кобыла заржала и шарахнулась назад.

– Ну же, – зашептал ей на ухо посланник, наклонившись к лошадиной шее. – Привыкай. Ты же большая и храбрая лошадь.

– Шеф!

Прямо перед лошадью и всадником, хлопая крыльями, плюхнулась на землю Белиза, спружинив согнутыми в коленях ногами. Приземление вышло не совсем точным, и девочка споткнулась о камень, но тут же поймала равновесие и с широкой улыбкой кинулась к Каэто.

– Надеюсь, вы привезли что-нибудь вкусненькое, а то мы уже несколько недель едим одну козлятину с кровью. Феллдир говорит, что я должна научиться охотиться, потому что обеспечивать себя – полезный навык.

– Он прав, – ответил Каэто и посмотрел на руины замка.

Большая часть развалин еще держалась на краю обрыва, а меньшая уже лежала кусками каменной кладки на скальных уступах внизу. Почти весь прошлый год Белиза и Феллдир приводили руины в порядок, насколько это было возможно. Они отремонтировали в замке все, что еще поддавалось ремонту, и худо-бедно приспособили его для двух жильцов покрупнее тех, кто строил его когда-то.

– Где он? – спросил посланник.

– Наверху, на колокольне.

Каэто поморщился. Колокольня была самой высокой точкой замка, и посланник, как всякий, у кого нет крыльев, не очень любил взбираться туда.

– Он спустится за вами, шеф, – снисходительно улыбнулась Белиза.

Они поставили лошадь в конюшню – когда-то, до того как внешняя стена этого помещения рухнула в пропасть, в нем располагалась огромная кухня, – и Каэто направился за Белизой в замок. Впрочем, «замок» – слишком громкое название для развалин, где сквозь дыры в стенах мелькает то небо, то пропасть.

Пробираясь через руины, Каэто отметил, что Белиза и Феллдир обжились тут, сделав это место похожим на дом, хотя и временный. Пол был чисто выметен, на «кухне» развешаны и расставлены принадлежности для приготовления пищи. Рядом стоял верстак, на котором точила ножи Белиза. Здесь же находилась полка с небольшой подборкой книг – Каэто привез их из Стратума; аккуратная стопка заметок свидетельствовала о том, что Феллдир изучал те две тысячи лет истории, которые он пропустил, пока жил взаперти в Черном городе.

Они вошли в парадный зал, служивший теперь жилой комнатой. Когда-то здесь был трон канувшего в вечность правителя; теперь же под высокими потолками, между стен с огромными каминами стояла мебель – лучшее из того, что им удалось найти на свалке.

В зале их встретил Феллдир.

– Я услышал твой голос, – сказал он. – Мы ждали тебя.

Каэто кивнул и отвернулся. К новому облику Белизы он привык довольно быстро. Она же восприняла перемену в своей внешности с обычным для нее прагматичным оптимизмом, и, слушая ее голос, никто бы не усомнился в том, что она всю жизнь была именно такой, как сейчас.

А вот присутствие Феллдира лишало Каэто спокойствия, наполняло эмоциями, природа которых оставалась для него загадкой. Всякий раз, когда Каэто возвращался в руины и снова видел его, то вспоминал их первую встречу в Черном городе: это случилось в башне, Феллдир был тогда растрепанным, с желтыми волчьими глазами, весь в чужой запекшейся крови.

Теперь Каэто снабдил его новой одеждой, рубашками, меховой шубой на случай холодных ночей, подходящими кожаными сапогами и хорошими, практичными куртками из шерсти. Длинные седые волосы, заплетенные в аккуратную косу, придавали титану ухоженный, почти цивилизованный вид зажиточного воина из какой-нибудь неосвященной страны. И только взгляд остался прежний, волчий.

Каэто поставил на стол большую сумку, которую привез с собой, и Белиза начала разбирать ее с энтузиазмом четырнадцатилетней девочки, какой она и была.

– Я приехал позже, чем обещал. – Каэто распустил завязки плаща для верховой езды и бросил его на стул. – У посла было очень много народу. Я никогда не видел его таким занятым. Селестиния жаждет получить любую информацию об отанимах, поэтому каждого, кто прибывает в Стратум, либо берут под наблюдение, либо сразу ведут на допрос. В порту Санс-Розен наше специальное подразделение опрашивает беженцев с Бретлении, и слухи, доходящие оттуда, только усиливают страхи императрицы.

– Мой народ начал войну, – сухо заметил Феллдир.

Каэто вспомнил, как Гинид Тайли предупреждала его, чтобы он не выпускал на свободу Икарайн, смертоносную верховную жрицу отанимов. Похоже, она оказалась права. Но тогда у Каэто не было выбора.

– Вот именно. Моя работа заключается в том, чтобы сопоставлять данные, полученные из разных источников, создавать перекрестные ссылки, делать выводы и представлять их начальству.

Он вздохнул и так смачно потянулся, что в спине захрустели мелкие косточки. Как приятно оказаться подальше от рабочего стола и подземелий Стратума!

– Какие же выводы ты делаешь? – поинтересовался Феллдир.

– Есть много отрывочных любопытных фактов, но они пока не складываются в полную картину. Икарайн захватила Лондус-на-Море, ее воины атакуют другие королевства острова, но, кажется, наугад. Считается, что королева Брудика содержится в плену у себя во дворце,

а где ее многочисленные дочери, пока неясно, но, похоже, на острове шла гражданская война, когда началось вторжение...

– Мыло, – бодро перебила его Белиза. – А еще сахар и масло. Фелл, можно попробовать испечь те пирожные, о которых я тебе говорила.

Каэто почувствовал странное стеснение в груди. Фелл? Она накоротке с их другом-отанимом? Хотя почему нет, с нее станется. К тому же это ведь Феллдир направил ее дух в новое тело, которое принадлежало такому же титану, как он сам.

– В седельных сумках есть еще кое-что, – сказал он ей. – Сыр и немного сливок, которые нужно побыстрее убрать на лед.

Белиза деловито кивнула, взбежала по обломку стены к большой дыре, в которой светился квадрат голубого неба, расправила свои серые крылья и исчезла.

– Как у нее дела?

Феллдир нежно улыбнулся, и у Каэто снова стеснило грудь. Что это, неужели он ревнует? Но к кому или к чему именно? Он заметил, что теперь, когда титан улыбался, в его лице появлялась какая-то новая мягкость. Она делала его похожим на человека.

– Белиза достойная ученица. Все, что я ей рассказываю, она запоминает с первого раза; когда ей что-то непонятно, она всегда старается найти к этому другой подход.

Каэто кивнул, довольный. Феллдир учил Белизу истории отанимов, которая теперь стала и ее историей, а еще летать, приземляться, охотиться с воздуха и спать с двумя дополнительными конечностями за спиной.

– Она всегда быстро училась.

– Она соскучилась по тебе, – заметил Феллдир. – Ты у нас ночуешь?

– Да. – Избегая смотреть титану в глаза, Каэто шагнул к маленькому столику и налил себе вина из пыльного графина. – В посольстве считают, что я отбыл с особо важным заданием императрицы. Значит, какое-то время меня никто не хватится. Хочешь вина?

Каэто наполнил огромный деревянный кубок и протянул титану. Обычные бокалы в его руках казались наперстками.

– Это хорошо. – Феллдир взял кубок, и его пальцы скользнули по пальцам Каэто. – Что ты побудешь здесь хотя бы недолго. Белиза любит, когда ты здесь.

– Я бы все время был здесь, если бы мог. – Каэто кашлянул. Почему-то, говоря с Феллдиром, он каждый раз сбивался на то, о чем не говорил ни с кем в мире. – Но у Стратума возникнут вопросы, если я буду отсутствовать слишком долго. И тогда они начнут внимательно следить за мной. Кстати, вы никого в Разломах не видели? Хотя бы издали?

– Нет. – Феллдир отхлебнул вина. – Ты очень удачно выбрал место. Здесь нет никого, кроме красных птиц, которые гнездятся у нас на колокольне, да маленьких жилистых козочек. Да и сам замок – отличное убежище. Людям без крыльев в нем делать нечего.

– Вот и хорошо. Если империя прознает, что я прячу двух отанимов прямо у нее под носом...

Каэто сказал это беззаботно, но реальность была мрачна: его казнят за государственную измену. А Феллдир и Белизу, если их захватят живыми, наверняка отвезут в новую секретную мастерскую Тайли, где она будет кромсать их как захочет.

Желание императрицы собрать все возможные сведения о новых титанах не знало пощады.

При мысли о Тайли вино скисло у Каэто в желудке. Он-то думал, что оставил эту змею умирать в Хураки, а она оказалась живучей, как тараканы Стратума.

– Императрица и император прочли все мои отчеты. Между ними возник жаркий спор. Император Юстиния, как и следовало ожидать, считает, что мы должны выступить против отанимов, пока те заняты Бретленией, сокрушить их с помощью наших новых герольдов и

забрать их кости себе. Но императрица... всегда была осторожна. Она предпочитает выжидать и собирать сведения об отанимах, чтобы узнать о них все возможное.

– Она будет разочарована, – тихо сказал Феллдир. – В стремлениях Икарайн мало глубины. Истребить других титанов, поработить людей.

– Что ты посоветуешь?

Феллдир поднял кубок, допивая вино. Каэто на мгновение задержал взгляд на изящной линии его подбородка и гладкой шее.

– Пошли свой Стратум и свою императрицу куда подальше. Приезжай сюда, и мы втроем отправимся на запад, в земли на том берегу Разбитого моря. Вот тебе мой совет.

– Я имел в виду, что бы ты посоветовал империи, – криво улыбнулся Каэто.

– Мне плевать на империю.

Феллдир поставил кубок на стол и устремил на Каэто взгляд, от которого сердце посланника забило быстрее. «Неужели этот волк хочет меня съесть? – подумал он. – Или он хочет, чтобы съели его...»

В разбитом дверном проеме возникла Белиза, нагруженная провизией.

– Фелл, сегодня мы пируем! Тут целый поросенок, жирненький! Он будет славно хрустеть, когда мы его зажарим. Шеф, вы останетесь на ночь?

– Да, и я всю дорогу мечтал о том, как мы зажарим этого поросенка. Помогите мне развести огонь.

* * *

Позже, когда Белиза, истребив устрашающее количество жареной свинины с печеным картофелем, отправилась спать в свое гнездышко на колокольне, Каэто пошел в собственное любимое местечко в замке, куда можно было добраться без крыльев, – комнату без одной стены, давно рухнувшей в зияющую пропасть.

Солнце село, и небо почти позеленело. Над головой рассыпались звезды. В руинах замка негромко пели и чирикали птицы. Каэто сел на край пропасти и начал покачивать ногами. Скоро пришел Феллдир и сел рядом. Они посидели молча.

– Ты не жалеешь, что покинул Хураки? – спросил вдруг Каэто. – Тебе ведь не обязательно было идти с нами.

– Иногда, когда я учу Белизу, она спрашивает меня: «В чем подвох?» Твой вопрос тоже с подвохом?

Каэто тихо рассмеялся:

– В Черном городе я как-то спросил тебя, что ты стал бы делать, если бы твой долг перед Икарайн наконец закончился, и ты ответил, что умер бы. Кажется, тогда это тебя совсем не огорчало. Что-то изменилось с тех пор?

– Я был глуп тогда, – ответил Феллдир. – Я забыл, что существует остальной мир, что за пределами Черного города есть вещи, которые по-прежнему могут приносить мне радость. Много сотен лет я был живым проклятием, стражем, который нес только смерть. Я забыл, что значит чувствовать. – Он указал на темнеющее небо. – Этот мир все еще так нов для меня, а я был готов его бросить. Если бы я остался в Хураки, то не познал бы радость учить ребенка.

Где-то в темноте крикнула ночная птица.

– Когда Икарайн освободила свою армию отанимов, она освободила и меня, но настоящую свободу дал мне ты, Каэто. Ты показал мне, что есть другая жизнь.

Из пропасти внизу поднялся порыв ветра, забросав их уединенную площадку перьями и старой хрупкой листвой. Что-то зашелестело за спиной Каэто, и он понял: Феллдир развернул крыло, чтобы защитить его от мусора и ветра. И снова это ощущение: комок в горле, твердый и хрупкий одновременно, волнующий.

Непредвиденное осложнение.

Когда молчание между ними стало невыносимым, Каэто встал, и Феллдир убрал крыло.

– Я пойду спать. Спокойной ночи.

Титан молча смотрел ему вслед.

4

Вы запрашивали полный список возможностей и ограничений герольдов. Вот он. Не знаю, что помешало Вам просто извлечь нужную информацию из моих обширных многолетних заметок по этому вопросу; видимо, людям Вашего положения некогда читать документы. Пожалуйста, дайте знать, если предпочитаете, чтобы список был снабжен пояснительными картинками.

– Крылья синего света вызываются по желанию, действуют несколько часов, поэтому непригодны для полетов на большие расстояния и над морем.

– Меч синего света вызывается по желанию. Его не нужно менять, точить или носить с собой. Я думаю, даже вам понятны его преимущества.

– Повышенная сила и способность к исцелению. Чего еще можно желать от воина?

– Потеря памяти. Насколько я могу судить, подопытные полностью забывают свою жизнь до вживления им руды. Поскольку большинство из них – заключенные, вытасченные из захолустных тюрем, это не слишком большая потеря.

– Невозможность забеременеть или выносить ребенка. Я вижу здесь только плюс для солдат. И конечно, это значит, что герольды могут наслаждаться отпусками без последствий.

– Возможная умственная и физическая деградация. Примерно через восемь лет рудные линии попытаются вернуть свою изначальную форму. Это может привести к болям, хаосу в мыслях и, скорее всего, к возвращению утраченных воспоминаний. В конечном же счете к безумию и смерти. Опять же, учитывая, что многие из Ваших «добровольцев» – преступники, я думаю, что это разумная плата за легион непобедимых воинов.

Записка Гинид Тайли императору Юстинии

Левен бережно опустила Киллиана на каменные плиты двора, широко расправила голубые крылья, а потом сложила их. Едва они исчезли, она призвала волшебный клинок; в последнее время она не могла позволить себе крылья и меч сразу. Во двор вбежали трое стражников, и отблески ее клинка сапфировыми бликами задрожали на их доспехах.

– Кто вы такие? – спросил один с сильным акцентом уроженца Стратума. – Вы вторглись на частную территорию.

Другой, видимо более сообразительный, медленно потянул из ножен меч.

– Да это же, мать ее, герольд. Из самых старых.

– Вот наглец, – заметила Левен.

– А с ней один из этих рогатых бретленских дьяволов, – продолжил сообразительный.

Первый перебил его:

– Значит, пришли к костоправу?

– Вроде того, – обронила Левен.

Ее беспокоило учащенное дыхание Киллиана. С ним явно было что-то не так. И дело не в падении с крыши.

– Алхимик не принимает. – Сообразительный уже поднял меч, когда из-за его спины вышел третий стражник.

– Никто не должен знать, где она. – Третий с раздражением взглянул на первых двух. – Придется нам их убить, а то поползут слухи.

– Что ж, попробуй, а я посмотрю, как у тебя получится. – Левен метнулась вперед, к стражнику номер два, перерубила его меч своим волшебным клинком и боднула его лбом в открытый висок.

Тот рухнул как подкошенный. Не разворачиваясь, боком, она прыгнула к третьему. Тот схватился с ней, пытаясь развернуть свой меч так, чтобы ударить ее в живот, но она стремительно нагнулась и провела клинком по задней поверхности его ног до самых пяток. Он хотел закричать, но она рукой зажала ему рот и повалила на землю. Потом оглянулась и увидела, что последний стражник бьется с огромным морским орлом, который камнем упал на него с ночного неба и теперь пытался сорвать с него скальп когтями. Левен попыталась приподняться, опершись раскрытой ладонью о лицо охранника, но титаническая сила уже покидала ее, унося с собой и человеческую. «С каждым разом это происходит все раньше и раньше», – подумала она, охваченная отчаянием вперемешку со страхом.

– Киллиан, нам надо вести себя тихо. Иначе она опять уползет куда-нибудь.

– Нет, ее последний корабль уже ушел, любовь моя, – ответил он.

Вдали от Дикого леса он не мог двигать землю, как раньше, но траун и здесь позволял ему проникать в разум живых существ и повелевать ими. По приказу Киллиана морской орел прекратил издавать пронзительные крики, но стражник продолжал реветь, потому что птица расцарапала ему лицо.

Левен глубоко вдохнула и с трудом встала, держа руку на рукояти ножа. Она намеревалась полоснуть им по мягкой коже под задранной бородой стражника, но не успела – кровь хлынула без ее участия. Стражник упал, а Левен увидела Инис – та стояла в тени позади упавшего, с ее когтя-ножа капала кровь. Отпущенный Киллианом морской орел улетал в ночь, наверное гадая, откуда на перьях взялась свежая человеческая кровь. Инис следила за его полетом задумчивым взглядом, к которому Левен уже привыкла.

– Пошли, – сказала Инис. – Я знаю, где наша мать.

– Подожди минутку, – сказал Киллиан. Он подошел к Левен и убрал волосы с ее лица. – С тобой все в порядке?

Левен кивнула, стиснув зубы. Жгучая боль уже приближалась; тысячи раскаленных иголок вонзались в ее кожу везде, где были нанесены линии, – лицо, торс, руки, ноги, даже нежная кожа ладоней пульсировала от нее. Но на этот раз к боли добавилось еще что-то. Какое-то чужеродное присутствие на задворках сознания.

– Да. Я в порядке. Ты как? Там, на крыше, ты выглядел так, словно увидел привидение. В чем дело?

– Не знаю. – Киллиан нахмурился. – Что-то... Мне показалось, я что-то слышал. Голос. Хотя, может быть, это просто траун.

– Твоя забота о своей паре трогательна, – произнесла Инис, – но ты не забыла, зачем мы здесь, Левен? Я видела ее. – Голос Инис, обычно такой спокойный, теперь сорвался почти на крик. – Я видела сестру!

– Не кричи, Инис, я слышу. – Левен сунула нож за пояс и постаралась забыть о боли. – Показывай дорогу.

* * *

Левен ожидала дальнейшего сопротивления, но его не было. Когда Инис привела их к двери в обиталище Гинид Тайли, там не оказалось даже стражи.

– Видно, Империя решила, что спрятала ее как надо, – чуть слышно сказала Левен Киллиану, когда они остановились у входа. – Старую ведьму даже не охраняют.

– И не зря – вспомни, мы искали ее целых два года, – отозвался Киллиан.

– Мне так нравится твое благоразумие, – улыбнулась Левен.

Она пинком распахнула дверь, используя боль в мышцах как катализатор силы. За дверью оказалась комната, полная предметов, которые живо напомнили Левен мастерскую под центральной площадью Стратума, – химикаты, книги, изящные ножички, созданные, чтобы кромсать человеческую плоть, и сама Тайли в углу, где она, опершись на трость, доставала что-то с полки. Когда в комнату без стука вошли трое, она повернулась к ним, но особого удивления не выказала, только вынула изо рта курительную трубку. В комнате повисла тишина; Левен вдруг показалось, будто она ползет по тонкому льду, а под ней темнеют озерные глубины. Пути назад нет.

– Я, конечно, знала, что кто-нибудь ко мне да пожалует, – начала Тайли. – Ведь я готовлю такую вкуснятину. Но чтобы сама Освящающая Илевен? Вот это сюрприз. – Она посмотрела на синие рожки Киллиана. – А с ней друин. Да еще и траун, ни больше ни меньше. И худенькая девочка. Интересно.

– Ты меня не забыла. Я думала, что, может, ты заставила себя забыть. Это бы кое-что объяснило.

Сердце Левен забило так часто, что даже заглушило боль. Грудь распирало – казалось, ее, точно грозовое небо, вот-вот разорвет молния. Сдерживаться становилось все труднее. Дикая лес детства вдруг показался очень близким: снег на земле, ужасный каменный алтарь среди деревьев, ждущий ее.

Тайли шагнула к ним, и тут только Левен заметила, что от нее осталась лишь тень. Рыжеватые волосы поседели, кожа приобрела землистый оттенок, и, судя по тому, как она двигалась, каждый шаг причинял ей боль. В комнате ужасно воняло. Тайли вытряхнула из трубки пепел на ближайший столик. Вонь усилилась.

– Ты знаешь, кто ты? Вот это неожиданность, – ровным голосом произнесла Тайли.

По ее лицу пробежала дрожь, похожая на судорогу, мимолетный проблеск каких-то эмоций, которые сразу же исчезли, как грибной дождь.

– Но откуда? Неужто ублюдок-посланник проболтался? Я думала, что мои записи надежно спрятаны, хотя уповать на то, что этот змей не доберется до них, конечно, не приходится.

– Я вспомнила, – просто сказала Левен. – Вспомнила, что ты делала со мной, снова и снова. Что ты сделала с моим отцом. И с ней.

Она резко указала на Инис, которая стояла у двери, держа наготове нож.

– С ней? – Уголки губ Тайли опустились. – Кто это? Я ее не знаю. Уж не родня ли того маленького отродья, которое съели жуки в Хураки, а?

– Кто кого съел? – спросил Киллиан.

Левен, перебив его, схватила Инис за плечи и притянула к матери.

– Ты что, не узнаешь свою младшую, Тайли?

Та быстро заморгала, замотала головой и отшатнулась.

– Этого... не может быть.

– Ты убила нашего отца – нет, хуже, ты заставила меня убить его, ты стерла мои воспоминания и бросила Инис умирать в лесу. Тогда ее звали Алоу.

– И у тебя моя сестра, – вставила Инис. – Отпусти ее немедленно.

– Да. Отпусти грифона, – Левен глубоко вдохнула, – а потом я тебя убью.

– Подожди. Подождите! – Тайли неуклюже попятилась, тяжело опираясь на палку. – У вас же наверняка есть вопросы, девочки. Вы хотите что-то узнать. Так давайте, спрашивайте.

Она уперлась в стену возле небольшой ниши с лампой.

– Я расскажу вам все, что вы хотите знать, – пообещала она. – А мне известно многое, уж поверьте.

Тут она закашлялась и согнулась пополам, так что Левен подумала, что она вот-вот рухнет на пол. Когда старуха выпрямилась, ее руки и губы были в крови.

– Что с тобой? – спросил у нее Киллиан.

– Хех. – Тайли взглянула на красную руку и вытерла ее о рубашку. – Проще говоря, мои внутренности медленно разлагаются под действием особо опасного и редкого яда, который добывают из растения, встречающегося лишь в джунглях неподалеку от Черного города. Хотите верьте, хотите нет, но посланник отравил мой чай. Я всем рассказала, что он натворил, ведь посланники искусны во лжи, но дело в том, что... – Она перевела дух, затем продолжила: – Дело в том, что мы оба слишком ценны для императрицы. Поэтому нам обоим сохранили жизнь. Правда, в моем случае это ненадолго – чай посланника доконает меня уже очень скоро, Освящающая Илевен. Так что не трать попусту малую толику сил, которая у тебя еще есть.

– Даже медленная смерть от яда – слишком мягкое наказание для тебя, – сказала Левен, но с места не сдвинулась.

Тайли права, у нее есть вопросы. А кто еще ответит на них? Хотя по-настоящему ее волновало лишь одно.

– Почему?

Левен думала, что Тайли возмутится или сделает вид, что не понимает. Но главный костоправ Империи только поджала губы и посмотрела в окно. Снаружи поднялся сильный ветер и порывами швырял в стекло дождь.

– Потому что я могла, – наконец сказала она. – Я знала, что смогу это сделать, и кто мог мне запретить? Я хорошо понимала, к чему приведет слияние магии титанов с человеческим телом. И понимала, сколько это даст мне власти: больше, чем у любого друина, больше, чем у трауна. – Тут Тайли с нескрываемым любопытством взглянула на Киллиана. – Тебе тоже нравится власть, да? Что может быть приятнее, чем диктовать низшим существам свою волю, правда? – Она усмехнулась, показав красные от крови зубы. – Эти идиоты изгнали тебя, верно? Потому что им самим не хватит на это сил.

– Эй! – Левен шагнула вперед. – Хватит нас забалтывать.

– Если кости грифонов дают такую силу, – раздался вдруг голос Инис, – почему ты не сделала этого с собой? Не дала себе крылья?

– Ха, ты не понимаешь. Да и куда тебе? – Тайли прислонилась к стене, и желтый свет лампы превратил ее лицо в маску. – Сила не в том, чтобы заполучить крылья, волшебный меч и способность исцеляться от любых ран. Для деревенщины вроде тебя это предел мечтаний. Настоящая сила – знать, как сделать такое с другими. Быть единственной на всей Эноне, кто владеет секретом создания герольдов. Ясно? Мне не нужно было портить себе кожу, чтобы получить силу, мне лишь нужно было научиться делать это с другими.

– И тогда ты решила испробовать свою силу на родной дочери, да, Эчни? – гневно спросил Киллиан. – А чтобы она не возмутилась, ты стерла ей память?

Тайли посмотрела на него с интересом:

– А что еще мне оставалось? Мы жили в Диком лесу, далеко от всех. Друины меня уже изгнали, так что я не могла пойти к какой-нибудь королеве и попросить у нее подопытных. Пришлось работать с тем, что было под рукой. – Она показала на Левен. – Ну, как твои дела, Освящающая Илевен? Как себя чувствуешь? Сколько уже прошло, десять лет? Твоя магия еще работает? По моим представлениям, сейчас тебе уже должно быть трудно.

– О чем она говорит? – спросила Инис.

– Я в порядке. – Левен мотнула головой.

– Правда? Мышцы не болят? Усталости не чувствуешь? Странные голоса, звуки по ночам не слышишь?

Киллиан повернулся к Левен.

– Я права, да? – Тайли потянула воздух сквозь сжатые зубы и покачала головой. – Я никак не могла справиться с неизбежным упадком, который наступает, когда руда начинает возвращаться к своей изначальной форме. Сколько бы лет ни прошло, конец всегда один: боль,

изнеможение, смятение. Возрождение воспоминаний. Неуклонный упадок. Безумие, смерть. Мне удалось дать герольдам восемь хороших, крепких лет, а ты была моей первой подопытной, Илевен. Сейчас в твоих линиях останки четырех-пяти разных титанов борются за то, чтобы вернуть себе свой облик.

– Это все, что ты хотела сказать? – спросила Левен спокойно. – Ты хотя бы помнишь, какое имя ты дала мне при рождении, мама? Или его выбирал наш отец?

Левен не хотела плакать перед этой женщиной, но разговор о человеке из ее воспоминаний причинил ей куда больше боли, чем даже горящие рудные линии.

– Кто он был? – требовательно спросила она. – И откуда?

– Да идиот был Овейн, вот кто, – фыркнула Тайли. – Мне стоило найти кого-нибудь поумнее, хваткого и честолюбивого, но тогда выбирать особо не приходилось, а главным для меня было то, чтобы дети получились крепкими и выносливыми. Ну, силы-то Овейну было не занимать, тут я отдам ему должное. Хотя ты легко срубила ему голову, Дэрин.

– Хватит. – Левен в два шага пересекла комнату.

Пусть ее магия ослабла, но кинжал в руке был настоящим и острым. Она прижала Тайли к стене и приставила лезвие к ее горлу. Мать показалась ей существом, состоящим из костей и кожи.

– Сейчас я избавлю тебя от страданий.

– Дэрин! – Тайли, казалось, ушла в себя. – Ты так хочешь стать дочерью, которая убила и мать, и отца?

– Ничего, переживу. В конце концов, это ты сделала из меня убийцу.

Левен услышала за спиной шаги Киллиана. Инис ступала неслышно, как всегда, но Левен все равно чувствовала ее рядом: та с любопытством ждала, что их мать вот-вот умрет.

– Подожди! У меня кое-что есть. – Тайли вынула из кармана какой-то предмет. Это был маленький плоский ромб из титановой руды, серебристо-голубой, весь в переплетении тонких линий. – Он может спасти тебя, Дэрин.

Левен прижала лезвие к ее шее, но чья-то рука удержала ее руку. Киллиан.

– Что это? – спросил он.

– Моя новая разработка, – успела сказать Тайли и захрипела, а из ее рта понесло гнилью. – Сделана из костей отанимов. Поскольку мы с ними похожи – они же почти как люди, – то их руда не восстанет против тебя. В ней те же способности, что и раньше – крылья, меч, сила, – только лучше... Здесь, в проклятой глуши, у меня было время подумать, и я придумала это. И оно работает. Без потери памяти. Оно исцелит тебя.

– Звездные задницы, ты готова болтать что угодно, лишь бы спасти свою шкуру!

– Я говорю правду! – Голос Тайли звучал почти возмущенно. – Здесь, в этой пластине, – новая армия герольдов для нашей, хех, славной императрицы, но я отдаю ее тебе, Дэрин. Спаси свою жизнь. Нужно только вживить этот рудный камень в плоть, и все готово. Никаких татуировок. – Она задыхалась, из уголка рта ползла тонкая струйка крови. – Я не могу удалить с твоей кожи старые рудные линии, не убив тебя, но руда отанимов должна перекрыть их действие. Обязательно перекроет.

– Левен. – Киллиан встал между ней и Тайли. – Если есть шанс... все исправить...

– Нет, – коротко рассмеялась она. – Я больше не дамся этой гадине в руки. Когда мы уйдем отсюда сегодня, здесь останется ее труп.

– По ее приказу погибло много грифонов, – тихо сказала Инис. – Этого достаточно, чтобы я хотела видеть ее мертвой.

– А как же другие герольды? – быстро спросила Тайли. – Их всех постигла та же участь, что и тебя, Илевен, но я спасла их. Теперь я спасаю остальных – тех, кто выжил. Убей меня сейчас, и они обречены страдать, как ты!

Левен замерла. Восемь лет товарищи-герольды были ее семьей, единственной, какую она знала. Вместе они смотрели в лицо смерти. Вместе убивали. Даже если она никогда больше не увидит никого из них, их связь все равно нерасторжима. Она вспомнила Форю, каким видела его в последний раз, его изможденное лицо, ужас и страдание в глазах. Если бы она могла спасти его тогда, сделала бы она это? Конечно.

Левен отошла от Тайли, чувствуя, как все в ней переворачивается от отвращения.

– Ты не убьешь ее? – спросила Инис.

– Посмотри на нее, – сказала Левен. – Она и так умирает. Не стоит пачкать оружие.

Они оставили Тайли на коленях у стены, с магической пластиной в руке. Киллиан открыл дверь в соседнюю комнату, а Левен подождала Инис, которая смотрела на старуху с выражением, непонятным старшей сестре.

– Идем, – сказала Левен, – заберем твою другую сестру, которая в перьях.

5

Ваше Сияние, возобновление древних планов «сотрясения земли» почти наверняка вызовет волнения на недавно освященных территориях. Крупнейшие геологи империи считают вероятность обнаружения новых залежей костей титанов незначительной. Точнее, по их словам, «это как искать единственную звезду без карты». Геологи признают, что открыть новые залежи руды возможно, но они уже никогда не будут столь мощными, как в первоначальном месторождении. Не говоря уже о том, что землеройные машины давно истлели и никто из ныне живущих не знает, как построить новые.

Доклад посланника о дальнейшей добыче титановой руды, представленный императрице Селестинии

Утром Каэто проснулся от жалобного блеяния козы и детского смеха. Он еще полежал, блаженно прислушиваясь. Каждый раз, оставаясь в разрушенном замке на ночь, он спал в одной из так называемых комнат первого этажа. «Когда-то здесь наверняка была кладовая», – думал он; принохиваясь, Каэто и теперь еще чуял запах лежалых овощей. Зато стены и потолок в комнаткушке уцелели, а кровать, которую он соорудил для себя сам, получилась вполне удобной. Все это ничуть не походило на его апартаменты в Стратуме, аккуратные и функциональные, с ящиками, битком набитыми секретами империи, и картами на каждой стене – именно их он видел первым делом, просыпаясь каждое утро. Именно эти карты напоминали ему о заботах и интересах его работодателей, об их амбициях и требованиях.

Здесь его окружали простые кирпичные стены, тишина бесплодной земли... и смех Белизы, которая донимала козу. Каэто молча ухмыльнулся и встал с кровати.

На улице он обнаружил свою помощницу в импровизированном загоне над пропастью. Там была горка из валунов, составленных друг на друга наподобие детских кубиков, а на ней сидел черно-белый козел. Перед ним стояла Белиза, аккуратно сложив крылья за спиной и уперев руки в боки. В бледно-золотом свете раннего утра она выглядела потрясающе: черные волосы сияли неземным блеском, белая кожа серебрилась; она выглядела сильной, прекрасной и... чужой. Совсем не похожей на ту чумазую маленькую бродяжку, которую он нашел когда-то на улице Стратума. Нет, у той были костлявые ручонки и ножки как палочки, а волосы серые и всклокоченные. Ему вдруг стало больно. Да, Белиза много приобрела с этим преображением, но много и утратила, причем навсегда.

– Давай, ты же можешь, – тем временем обращалось это усовершенствованное существо к козлу. – Ты скачешь по горам, которые покруче этой небольшой горки, я сама видела.

Козел смотрел на нее, его зрачки сошлись в лучах раннего утреннего солнца в две горизонтальные полоски. И вдруг зверь так легко и пружинисто скакнул с одного валуна на другой, что даже Каэто восхитился, а Белиза засмеялась и захлопала в ладоши.

– Феллдир что, учит тебя дрессировать коз?

Белиза обернулась на звук его голоса и улыбнулась ему радостно, как всегда, и в то же время... смущенно? Вот уж это вряд ли, он еще ни разу не видел, чтобы Белиза из-за чего-то смущалась.

– Нет, я просто подумала... Они правда умные, шеф. Точно умнее, чем в Стратуме. Я подумала, что было бы забавно держать их при себе. Конечно, сейчас ему не нравится, что мы охотимся на его друзей, но если я буду регулярно его кормить, то он, может быть, привыкнет ко мне и останется тут. Будет чем-то вроде домашнего животного.

Нежный розовый румянец окрасил алебастровые щеки Белизы, а ее удивительные фиалковые глаза смотрели на него с мольбой и вызовом, как смотрят порой четырнадцатилетние

девочки. Она явно волновалась, боясь, что он не одобрит ее замысел и скажет, что это легкомысленная затея, недостойная будущего посланника.

Каэто стало так стыдно, что даже дыхание зашлось; лишь одно радовало его сейчас – простота и невинность просьбы Белизы. «Я отнял у нее детство». С тех пор как они вернулись из Хураки, эта мысль часто приходила ему в голову в минуты затишья.

Козел на вершине кучи пронзительно заблеял.

– Он хочет еще раз прыгнуть, – заявила Белиза.

Девочка подошла к здоровому валуну, подняла его и легко, как яблоко, положила на самый верх другой кучи. Козел тут же перескочил на него, цокнув копытцами по камню.

– По-моему, завести домашнее животное – отличная идея, – заметил Каэто. – У него уже есть имя?

Белиза ухмыльнулась. К большому облегчению Каэто, ее смущение как рукой сняло.

– Я зову его Филлипе. Как того старикашку, который продавал травы на рынке на Третьем кольце. Помните его, шеф?

– Конечно помню. Да, вижу сходство.

Филлипе выпятил бороду, словно оскорбленный сравнением. Вдруг на них упала темная тень. Каэто поднял глаза – Феллдир спускался к ним с неба, широко раскинув крылья. Титан приземлился так мягко, что почти не поднял пыли.

– Привет, Фелл!

– Доброе утро, Белиза. – В руках титан держал миску с красными и черными ягодами, которую протянул девочке. – Я нашел еще куст тех ягод, которые ты любишь. На дне пещеры есть небольшой участок, куда проникает солнечный свет, и там много чего растет. Хорошо бы нам слетать туда как-нибудь вместе, сама посмотришь. А пока можно поесть ягод со сливками, которые привез Каэто.

Белиза запустила руку в миску, раздавив при этом несколько ягод; девочка еще не совсем привыкла к размеру и силе своих новых рук. Пока она, довольная, слизывала сок с пальцев, Каэто, глядя на них двоих, почувствовал, что у него словно камень с плеч упал, и ему сразу стало легко и свободно, хотя и немного страшно. Он понял, что здесь, рядом с ним, находятся все, кто ему нужен в жизни. Наверное, он сошел с ума, раз не понимал этого раньше. Он вспомнил, что сказал ему Феллдир вчера вечером, когда солнце уже скрылось за горизонтом: оставь империю, поедем на запад, туда, где нет ни Стратума, ни Бретлени. Куда глаза глядят. То, что вчера показалось Каэто безумием, теперь представлялось ему самой здоровой мыслью из всех возможных. Что, если каждое его утро будет таким, как это?

– Феллдир, – сказал он, отметив про себя, какое удовольствие испытал, когда титан обратился к нему свой желтый волчий взор, – у тебя есть свободная минутка? Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

* * *

Вечером, когда остатки холодной свинины со сладкими красными яблоками были съедены и Белиза умчалась к своему козлу, Каэто с Феллдиром остались одни в древнем тронном зале. Белиза настояла, чтобы к ужину они зажгли свечи, так что маслянистый свет отражался теперь в старых стеклянных кубках, отбрасывающих блики на каменные стены.

– Ты хотел обсудить что-то со мной?

Каэто кивнул и откашлялся. Он не сомневался в своем решении, но ему почему-то каждый раз с трудом удавалось сосредоточиться, когда он оставался с титаном наедине. Феллдир в последнее время завязывал сзади аккуратный хвост, но тонкие седые волосы постоянно выбивались из-под ленты, и к концу дня длинное серьезное лицо обрамлял ворох прядей, словно состоящих из лунного света.

– Вчера ты предложил нам уехать на запад, – осторожно начал посланник. – Я подумал над этим и решил, что ты, кажется, прав.

– Ты готов бросить свою империю? – приподнял брови Феллдир.

– Я... да. – Каэто тяжело сглотнул. Почему ему так сложно говорить об этом? – У меня есть долг перед Белизой, особенно учитывая... то уникальное событие в ее жизни, ответственность за которое в конечном счете лежит на мне.

Феллдир внимательно смотрел на него, и Каэто, смущенный его взглядом, встал и взял кубок с вином. Почему-то ему было легче говорить стоя, а не сидя.

– Сейчас она как никогда раньше нуждается в руководстве и заботе, которые даешь ей ты, за что я чрезвычайно тебе благодарен, но, пока идет эта война между твоим народом и Бретленией, она всегда будет в опасности. Любой может увидеть ее, принять за врага и поступить соответственно.

Он отпил вина, не глядя на Феллдира, но по-прежнему чувствуя на себе взгляд отанима.

– Пока я разрываюсь между ней и своими обязанностями в Стратуме, я не могу быть уверен в ее безопасности. К тому же настало время для... Пришло время признать, что для меня ее благополучие имеет первостепенное значение.

– Ты любишь ее, – сказал Феллдир. – Она твое любимое дитя.

Каэто молчал. У него не было слов.

Феллдир тоже встал, отодвинув стул, и в два шага оказался рядом с Каэто. Посланник почувствовал его запах – неопределимый, напоминающий о пыльных заброшенных домах Черного города, с острой металлической кровавой ноткой.

– Ты ходишь вокруг да около, Каэто, и я не знаю почему. Это благородно – признавать свои чувства. И для титана, и для человека.

– Она мне не дочь, – тихо выговорил Каэто. Титан одним своим присутствием как будто вытягивал из него слова, как магнит тянет к себе иголки. – Мне нельзя иметь детей. Я много раз подвергал ее опасности, учил ее тому, что не должен знать ни один ребенок. Моя жизнь всегда состояла из тайн и мрака, я делал страшные вещи, служа хозяевам, которых не любил и даже не уважал по-настоящему. Я должен был дать Белизе шанс. Должен был отдать ее в любящую, нормальную семью, а не... – Каэто отвел взгляд. – Не оставлять ее у себя – такого, какой я есть.

– Но ты для нее – весь мир, Каэто. – Феллдир с любопытством посмотрел на него. – Неужели ты этого не видишь?

Каэто снова потерял дар речи. Большая ладонь Феллдира легла на его плечо у основания шеи, подушечка большого пальца скользнула по горлу. Каэто снова почувствовал магнит, но теперь он тянул из него не слова, а другую правду. Он посмотрел в глаза Феллдиру и, к своему удивлению, увидел в них не обычную откровенность и даже не голод, а что-то более хрупкое. Ему показалось, что это страх.

Он опустил глаза и слегка отвернулся, чтобы не смотреть титану в глаза. Кашлянул.

– В общем, мне надо уйти со службы. Но мой наниматель – империя, а с ней все не так просто. Сам понимаешь. Моя голова буквально набита секретами императрицы, поэтому у нас принято, чтобы посланник либо погибал при исполнении служебного задания, либо его убивали свои же. Удар ножом в живот в темном коридоре, отравленный дротик на оживленной улице. Я сам не раз отправлял в отставку других. – Он сделал глоток вина. – Так что я должен подстроить свое исчезновение, причем так, чтобы в него поверили другие. Лучше всего – решили бы, что я мертв. Для этого нужно разработать хороший, подробный план.

Каэто заставил себя снова взглянуть на Феллдира. Он многим был обязан титану.

– На это потребуется время, и я прошу тебя подождать. Помни, моя цель в том, чтобы ты, я и Белиза вместе отправились на запад. Все трое.

В свете свечей было видно, как легкая улыбка тронула уголки губ Феллдира.

– Очень хорошо. Я могу подождать, легкокостный.

6

Вода в реке Старый Отец была синевато-серой, в тон мрачному небу. Из своего укрытия Эпона хорошо видела Лондусский мост, а крылатые фигуры на нем по-прежнему казались жуткими, хотя она и наблюдала их в небе над своим городом уже два года. Теперь они зачем-то скотили на мосту деревянную платформу и выстроили на ней пленников-людей, связав им за спиной руки. Рядом с Эпоной на корточках сидела Джек, на ее румяных щеках засохли брызги речного ила. За спиной у Джек висел меч Калибурн. Он молчал.

– Там есть кто-то знакомый? – спросила Джек. – Ты хорошо их видишь?

Эпона поджала губы. Она знала, кого имеет в виду Джек.

– Матери там нет.

– Точно?

– Я узнаю ее где угодно, даже издали.

Джек успокоилась. Они сидели под деревянной набережной, их сапоги утопали в жидком песке, оставшемся после отлива. Из песка торчали опоры набережной, шероховатые от наростов из бледных пресноводных ракушек. На балке, над самой головой Эпоны, кто-то выцарапал слова: «Зеленый человек восстает», а ниже, вероятно той же рукой, было добавлено изображение дубового листа.

«Да уж шевелился бы он! – подумала принцесса. – Сейчас любая помощь кстати».

– Если мы не станем терять времени, то, возможно, успеем отбить пленников, – сказала Джек. – Будем действовать тихо, а когда нас обнаружат, я с мечом положу столько, сколько смогу, а ты с освобожденными пленниками уйдешь.

Эпона пристально посмотрела на свою спутницу. Джек пришла к повстанцам с запада чуть больше полугода назад и принесла новости из Двиффед и Корнвуллиса и волшебный меч. Повстанцы скоро зауважали ее, да так, что считали ее вожаком чуть ли не наравне с Эпоной, но принцесса так и не поняла ее до конца. Например, она считала, что героизм Джек граничит с безумием.

– Ты что, спятила? – зашипела Эпона. – Нас здесь двое, а их... несколько сотен! Мы пришли сюда только посмотреть, что происходит, а не ввязаться в драку, в которой тут же лишимся головы.

Тут меч негромко загудел, и Эпона невольно вспомнила бардов, которые играли когда-то в летнем дворце ее матери: их инструменты издавали похожий звук – не то чтобы музыка, но явно не голос. Ей стало не по себе.

– Калибурн говорит, что это возможно, – проговорила Джек.

– Прости, но мне как-то не хочется верить свою жизнь куску железа, который ты выудила из грязного озера.

Джек явно огорчилась:

– Калибурн – заколдованный меч, он был с нами с самого начала времен; он участвовал во многих наших величайших...

– Ну ладно, понятно, – отрезала Эпона. – Слушай, мы можем вернуться сейчас к нашим, собрать небольшой отряд и снова прийти сюда. Может быть, с помощью Калибурна мы и сможем захватить тех отанимов, которые сейчас на мосту, но вообще тут нужен друин. И люди, которые умеют нападать на расстоянии.

Она чуть выпрямилась, забыв о воде, хлюпающей у нее в сапогах.

– Лучники нужны, – продолжила она. – Лучше разбить их на две группы и спрятать так, чтобы отанимы их не видели, тогда, глядишь, им станет не так уютно в нашем небе.

Ее перебил крик и громкий всплеск. Эпона повернула голову и еще успела увидеть, как падает в реку пленник, отчаянно колотя ногами по воздуху. Руки у него были связаны, и он сразу скрылся под водой, где, видимо, камнем пошел ко дну.

– Что они...

Но вниз уже летел второй человек, а сразу за ним третий. Даже из своего укрытия Эпона слышала смех отанимов, убивавших своих пленников. Они веселились искренне и беззаботно, прямо как дети, затеявшие новую игру. Эпона вдруг почувствовала себя такой беспомощной против них, что ее даже замутило – увы, не в первый раз за те два года, что отанимы хозяйничали в ее королевстве. Ее рука сама потянулась к рукояти длинного кинжала на поясе и сжала ее так, что побелели костяшки пальцев.

– Что бы мы ни сделали, все равно было уже слишком поздно, – сказала Джек. – Пожалуйста, не вини себя, принцесса.

Тошнотворная беспомощность сменилась гневом.

– Я не себя виню, Джек, я виню этих летающих ублюдков и монстра, который ими правит. И сколько уже раз я говорила тебе: не называй меня принцессой! – Эпона выскочила из-под навеса и повернулась спиной к Лондусскому мосту, откуда уже летел последний пленник. – Пошли назад, в Курган. Хватит с меня ужасов на сегодня.

* * *

Курганом называли лагерь повстанцев, что располагался внутри полого холма, на самой опушке Дикого леса. Когда-то этот холм из белого известняка, густо поросшего зеленой травой, хорошо просматривался отовсюду. Друин из их отряда объяснял, что холм был рукотворным – тысячи лет назад его сложили люди, возможно, чтобы похоронить в нем своих умерших. С тех пор вокруг вырос лес, и теперь на вершине покачивались грабы и тополя, так что холм совершенно скрылся от любопытных глаз, что и делало его удачным местом для лагеря. У холма было два входа: один спереди, другой сзади, а внутри – камеры, соединенные ходами. В центральной камере с длинным каменным выступом посередине собирались повстанцы, планируя свои вылазки, цели которых были обычно довольно просты: спасти группу пленников, навредить отанимам, обменяться информацией с другими повстанцами Бретлени. Сначала Эпона верила, что они делают большое дело. Но прошло два года, а они так ничего и не добились.

– Мы топчемся на месте.

Она стояла у каменного выступа, упершись в него ладонями. Ладони мерзли. Выступ служил им вместо стола – на нем лежали карты и донесения разведчиков, нацарапанные на кусках старого пергамента и прижатые липкими глиняными чашками из-под вина или медовухи. Джек стояла в другом конце зала, свет лампы золотил ее лицо. От впечатляющей фигуры трудно было отвести взгляд: при высоком росте Джек обладала отличным телосложением, мускулистыми руками и идеальной осанкой. Кожа у нее была сливочно-белая, на щеках играл легкий румянец, словно после долгой прогулки на свежем воздухе. Золотистые волосы Джек обычно заплетала в небрежную косу на затылке, а ее глаза были рыжевато-коричневыми с прозеленью – цвет, который не поддавался определению. Эпона тоже всегда привлекала внимание окружающих – еще бы, она ведь принцесса! Джек притягивала взгляды сама по себе. От нее точно шло какое-то сияние. И это раздражало.

Вокруг камня собрались все предводители повстанцев: Карайне, капитан личной гвардии королевы Броудики (ныне расформированной), – человек не очень высокий, зато плечистый, с яркой рыжей бородой, которую он заплетал в косички; Соласах и Йельм, друины, пережившие уничтожение Досрайха, но отбившиеся от своих; Ларт, которая говорила так, словно ей все безразлично, глаза подводила черным, как все двиффедцы, и носила плащ из медвежьей шкуры.

Эпона оглядела всех. Все выглядели измученными. Измученной чувствовала себя и она.
– Кто-нибудь может сообщить что-то новое?

Джек пододвинула лист пергамента к ближайшей лампе.

– Наши люди на севере сообщают, что отанимы во множестве собрались на границе Дикого леса возле Большого Мелового прохода. Валят деревья.

Йельм нахмурилась и скрестила руки на груди. У нее были короткие загнутые рожки, как у молодого барашка, и темные веснушки на орехово-коричневой коже.

– Осквернение Дикого леса продолжается.

– Что же они все-таки делают? – спросила Эпона. – Им что, нужна древесина? Если да, то зачем?

– Просто им нравится уничтожать то, что дорого нам, – вставил Соласах.

– А может, им просто нужна дорога через лес, – предположил Карайне. Он теребил себя за бороду, так что кончики его косичек торчали во все стороны. – Хотя непонятно, зачем она им понадобилась, ведь они могут летать всюду, куда им вздумается.

– У них есть путь через лес, – мрачно заметила Йельм, и в гроте стало тихо.

Слухи о том, что часть друинов-атхорнов переметнулась к отанимам, шли уже давно, но теперь их подтвердил шпион в самом Лондусе-на-Море. Так что, если летучим ублюдкам понадобится безопасный маршрут через Дикий лес, любой предатель-друин легко проведет их.

– Я не понимаю почему, – сказал Соласах и оглядел своих товарищей широко раскрытыми глазами. Это был молодой человек с длинным умным лицом и одним рогом – второй он потерял в стычке с отанимами. – Почему на сторону врагов Бретлении встали те, кого сам Друиданнон посвятил лесу?

– Бретления тут ни при чем, – ответила ему Эпона. – Королевы – вот от кого они хотят избавиться.

Она вспомнила свою сестру Сени, бывшую королеву Галаброка, которая захватила Лондус и бросила мать и сестер в темницу, пока отанимы вели наступление на Досрайх. Кто знает, возможно, если бы Бродика не тратила силы и время на бесплодную борьбу со старшей дочерью, а, наоборот, объединилась с ней, то вместе они отстояли бы древний Заветный дуб, а то и спасли бы весь остров. Но раздор между ними ослабил Бретлению в самый неподходящий момент, так что, возможно, Атхорны не ошибаются, понося королев на чем свет стоит. Но ничего, теперь отанимы, похоже, сильно сократят численность венценосных особ Бретлении!

Хотя, рассудила Эпона, если еще когда-нибудь она увидит Сени, то лично позаботится о том, чтобы хотя бы одна из королев Бретлении стала на голову ниже. Но сестра правила Лондусом недолго. Она согнала с трона мать, а отанимы сделали то же самое с ней.

– Из города удастся сбежать все меньшему числу людей, – заговорила Ларт, опустив глаза. – Мы расставили дозоры везде, где они обычно выбираются, чтобы помочь им быстро уйти в безопасное место, но почти никто не появляется. Туннель под старым соляным складом обрушился, так что теперь у них на один путь меньше, да и за рекой следят уже куда внимательнее, чем раньше. – Она кашлянула. – А еще был гонец из Мерсии. Там все по-прежнему.

– Значит, они продолжают верить, что это я убила их королеву. – Эпона прикусила губу.

С тех пор, как из-за интриг Сени она, Левен и Киллиан бежали из Мерсии, доверие между королевствами Бретлении стало редкой вещью. Эпона знала, что даже среди ее повстанцев есть люди, которые считают ее причиной кровавой смерти королевы Исмир и восхищаются ею за это, сколько бы она ни протестовала.

– Яйца Магога, – буркнула Эпона. – Итак, ни одной доброй вести ни у кого нет, что ли? Ну хоть на сладкое!

– Твои сестры живы, прячутся, – тихо ответила Ларт. – Тетушка Таффлер сообщает, что они, цитирую, заноза сами знаете где, и, видимо, это означает, что девочки бодры и полны сил.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Эпона.

Когда повстанцы вырвали принцессу из темниц Лондуса, они успели освободить и трех ее младших сестер: Ланоши, Эннуа и Ифу. В начале вторжения старшей из девочек не исполнилось еще и десяти лет, так что их отправили на попечение дальней родственницы. Эпона настаивала на том, чтобы их держали подальше от восстания, – какой бы отвагой ни обладали ее сестренки и как бы им ни хотелось отправиться на своих боевых колесницах освобождать занятый врагом город, они все еще оставались детьми. И Эпона по ним ужасно скучала.

Тихо загудел меч. Все повернулись к Джек. Она кашлянула и смущенно сказала:

– Я не совсем понимаю, что имеет в виду Калибурн, но он говорит, что кто-то вызвал Зеленого человека.

Эпона рассмеялась. Ей вспомнились слова, которые она прочитала на деревянной опоре этим утром.

– Что ж, спасибо тебе и на том, Калибурн, хотя я надеялась на что-то более основательное, чем слух о мифическом персонаже.

– Мы не поминаем имя Зеленого человека всуе, – вставила Йельм с легким упреком в голосе. – Если возможно, мы вообще не произносим его.

– Почему? – спросил Карайне. Он был из тех, кому невмоготу, если что-то остается недосказанным.

– Потому что он не второстепенный дух или пикси, у которого можно попросить помощи, а можно оставить без молока, – сказал Соласах. – Он – сама душа Дикого леса. Он хаотичен, неуправляем. Его мало волнуют человеческие жизни. Он сам – и созидание, и смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.